

ВОСПОМИНАНИЯ О Н. А. НЕКРАСОВЕ

<...> Николай Алексеевич жил тогда в доме Краевского на Литейном. Новые писаки не все бойки. С робостью подходил я к дому и, признаюсь, перекрестился перед дверями. Человек ввел меня в приемную и пошел доложить. Ждать мне пришлось очень долго, и я начал осматриваться, где я, да, признаюсь, и любопытство подстрекало взглянуть, как наши поэты живут. Приемная - большая комната, у дверей чучело медведя на задних ногах с огромной орясиной в лапах, против него беломраморный бюст Тургенева на высоком пьедестале, на стене две прекрасные гравюры: типография Гутенберга и наша славянская друкарня, - картины, кажется, те же, которые я видел потом в кабинете Гончарова; посреди комнаты большой стол, покрытый зеленым сукном, конечно, с чернильницей; два ряда стульев с высокими спинками резными мелкой работы, у стены широкий турецкий отоман, обитый малиновым бархатом или трипом, большое покойное кресло того же цвета и материи, много статуэток и фотографий на столах и окнах, занавеси пестрой шелковой материи - больше не помню.

Вышел заспанный высокий мужчина в халате и спрашивает, позевывая: "Что вам?"

Я объяснил.

Не приглашая меня сесть, поэт апатично, точно нехотя, едва выговорил:

- Оставьте, посмотрю.

Я робко спросил:

- Когда ответ?

- Через неделю, - ответил он еще апатичнее и ленивее и пошел.

Я едва нашел двери к выходу; точно выстрел прострелил мне голову, такой сухой ответ. "Еще неделя, а там Оля, Вера"...¹ и т. д. С отчаянием я пришел домой и только мог выговорить соседу: "Ничего не будет толку! это какой-то деревянный господин!" Эту адскую неделю я провел без сна, почти без пищи, словом, теперь не могу рассказать, что было тогда. Наступил решительный день; нехотя я побрел за ответом и всю дорогу шептал: "Нет, нет! от него я не дождусь ничего!" Однако с надеждой опять перекрестился и робко вошел.

- Пожалуйста, - весело выговорил докладчик и поспешил доложить. Ждать мне не пришлось; в ту же минуту вышел совершенно другой Некрасов, веселый, радостный, и с первого слова несказанно обрадовал меня:

- Ваша рукопись прелесть, я с особенным удовольствием ее читал. Садитесь, поговорим.

Начался экзамен: кто я? откуда? как попал в Петербург? зачем? Все это милый Николай Алексеевич выслушал ласково, внимательно и между прочим сообщил, что он с удовольствием готов печатать мой роман.

- Вы ничего не имеете против того, если я предложу вам печатать ваш роман с нового года? Теперь лето, мало читают, и такой интересный роман, как ваш, может много потерять?..

- Ах, ради бога, распоряжайтесь мной, как угодно! Для меня важно одно, если он будет напечатан в таком журнале, как ваш "Современник".

- В этом не может быть никакого сомнения. Я еще повторяю: ваша рукопись прелесть. А скоро вы отправитесь домой?

- Да, признаюсь вам, я так смертельно соскучился по семье, что готов хоть завтра.

Николай Алексеевич задумался над моим ответом и долго молчал.

- Так желаю вам обрадовать семью!..

Последнее слово он выговорил печально.

- Рукопись возьмите с собой, там на свободе просмотрите еще. Желаю вам радостной встречи со своими,

Некрасов крепко пожал мне руку, проводил в прихожую и точно нечаянно спросил:

- А в каких номерах вы остановились? На другой день я весь был занят покупкой кукол, игрушек, расставлял их по окнам, столам, стульям; любовался ими, как ребенок, и не вытерпел - сообщил соседу мое ребячество:

- Идите смотреть, прелести вам покажу!

Но не успел я рассказать студенту мою счастливую встречу с Некрасовым, как вошел коридорный и сообщил:

- К вам какой-то господин, спрашивает, можно ли войти.

Не успел я ответить, как в дверях показался Николай Алексеевич. Я решительно не знал, что подумать, и, взглянув на мои игрушки, осовел.

- А я, почтенный Гаврила Никитич, пришел вас проводить. Вы вчера были не совсем откровенны со мной, а я заметил, что вам недостает чего-то в дорогу - примите от меня это по дружбе, - и он подал мне толстый пакет.

Я решительно не понимал, что делается со мной. Некрасов внимательно осмотрел мою конуру; с грустной улыбкой взглянул на мои игрушки и печально прибавил:

- И в этом виден любящий отец! До свидания! - крепко сжал мою руку и уехал.

Я открыл таинственный пакет: там было 500 рублей на дорогу.

- Вот оригинальный поэт! Смотрите! - обратился я к студенту, - человек совершенно не знает, кто я, - даже рукопись возвратил. Разве я не мог оказаться мазуриком, удрать из Петербурга, сказать на суде, что я никакого Некрасова знать не знаю, и показать ему шиш!

- Ну, милый Гаврила Никитич, Некрасов истинный поэт, он сердцем чуял, кто такой вы.

- Положим, так, а все это истинное великодушие с его стороны.

- Да! - ответил мой собеседник, и мы задумались над этим глубоко.

Нечего рассказывать, какая радостная встреча была: отца с игрушками в соломенном городке;² какие очаровательные личики были у дочерей, когда они рассматривали такие петербургские прелести, которые видели в первый раз. "Теперь едем, едем в Петербург, - говорил беспрестанно отец, целуя детей, - там не то еще увидите".

Осенью я приехал в Петербург и тотчас пошел к Некрасову.

- А! Приехали, очень рад, - встретил меня весело Николай Алексеевич и повел в кабинет.

Кабинет поэта не был похож на приемную - там была другая отделка и обстановка. Белые обои, оранжевые занавеси, небольшой письменный стол на толстых резных ногах, оклеенный зеленым сукном, изящная бронзовая чернильница, перья на подставке, песочница в виде вазы, тяжелый каменный пресс, изображающий собаку, и лампа с подъемным абажуром; на полу тигровая шкура, обшитая красным сукном, под столом корзина для бумаг, а перед столом кресло, обитое зеленым сафьяном; в одном углу шкаф с книгами, в другом часы в футляре, и только. Ни портрета хозяина, ни картин и ничего лишнего не было.

- Садитесь, побеседуем, - пригласил меня ласково Николай Алексеевич. --Первый и важный вопрос: что вы намерены здесь делать? Петербург казенный город, батюшка Гаврила Никитич, здесь все служат взапуски! Не хотите ли и вы служить?

- Да, откровенно говоря, от службы отечеству я не отказывался никогда и, признаюсь, не был ленив, да дело в том, что я до знакомства с вами полгода уж бродил в вашем Петербурге, измучился до смерти, нигде не добился ничего! Куда ни приходил, - я лично получал везде один ответ: "Места нет", а куда просьбы подавал, везде через полицию возвращали их мне с пометкой: "Оставить без последствий".

Некрасов улыбнулся и похлопал меня по плечу.

- Не с того конца начали, почтенный Гаврила Никитич! Подумайте о службе и, если решите, так приходите - мы это дело устроим! Вы по какому министерству?

- Да я был учителем и смотрителем училища.

- Это еще легче. Подумайте и решите.

Долго думать и решать было нечего. Через неделю я пришел к Некрасову просить места. Приемный час для просителей, десятый, давно уж прошел, а поэт еще не вставал. Впрочем, ждать мне не пришлось, Николай Алексеевич тут же вскричал:

- Идите сюда в спальню! - и извинился, лежа в постели.

Спальня имела другой вид, чем кабинет и приемная. Темно-гранатные обои на стенах, зеленые занавеси на окнах, фонарь на потолке, ковры на полу, низкая ореховая кровать с выдвигаемыми ящиками, комод с овальным зеркалом и полный мужской туалет: щетки, гребенки, щеточки для зубов, пилки для ногтей, бритвенный ящик, склянка одеколona, эликсир для полоскания и зубной порошок. У другой стены такой же широкий турецкий диван, как в приемной, и небольшой круглый столик, на котором много почтовой бумаги, мелко исписанной карандашом, и только. Сам поэт лежал на кровати, совершенно утонувший в пуховую перину и до половины покрытый малиновым стеганым одеялом, шитым в мелкий узор; голова была обложена многими большими и малыми подушками-думками; ворот расстегнут, грудь нараспашку, руки по локоть обнажены и закинута за голову.

- Что скажете нового?

- Пришел места просить.

- А! это казенное дело, полно валяться - встаем!

Он натянул халат, надвинул туфли и перешел на диван.

- Я проспал лишний час, вчера долго писал, да немного не дописал - сейчас кончу и тогда к вашим услугам.

Он уселся на отомане по-турецки, ноги под себя - впоследствии я узнал, что это была любимая поза Некрасова так писать. Он отдернул занавеску на окне, придвинул столик,

уоставил, как удобно, и принялся за работу, исписывая листок почтовой бумаги тонко очинённым карандашом. Это были наброски прекрасной его поэмы: "Кому на Руси жить хорошо"³. Она долго после того не выходила в печати.

- Вот и кончил! Теперь идем и едем, - и тут же велел заложить коляску.

В то время, за отсутствием министра народного просвещения, заведовал министерством Ковалевский⁴, и мы отправились к нему. Холод меня пронял, когда и здесь я встретил неудачу; швейцар доложил, что министр болен и не принимает.

- Скажи, что приехал Некрасов - по делу.

Я, конечно, с трепетом ждал ответа. Но вместо ответа вышел военный генерал, сам Ковалевский.

- Ах, Николай Алексеевич, извините, для вас я всегда здоров и принимаю - милости прошу.

Ковалевский пытливо посмотрел на меня.

- Я вас долго не отвлеку от дела - рекомендую: вот господин Потанин имеет к вам покорнейшую просьбу, он хочет получить место по вашему министерству.

- Очень, очень рад услужить! Какое же место угодно иметь господину Потанину, в провинции или здесь в Петербурге?

- Да это будущий мой сотрудник, так, конечно, лучше бы здесь.

- С удовольствием, дорогой Николай Алексеевич, чтобы не откладывать - я сейчас... - Ковалевский присел к столу и на небольшом лоскутке бумаги написал, кажется, немного слов.

- Вот это, господин Потанин, вы потрудитесь передать Ивану Давидовичу Делянову, попечителю, - там для вас сделают все, что вам угодно.

Я, кажется, с благоговением принял записку министра, но тут же мелькнул вопрос, как я объявлю мою фамилию Делянову, когда он первый тогда написал на моей просьбе - оставить без последствий. А идти все-таки было нужно, и я записку министра в тот же день отнес. Прием мой в кабинет попечителя был просто удивительным. Иван Давидович, как только взглянул на записку министра, сейчас же обязательно подвинул мне кресло, ласково пригласил сесть и с особенным вниманием выслушал, что мне нужно.

- Какое вам будет угодно место?

"Вот как! - подумал я. - Теперь не то, что тогда!" Иван Давидович предлагал мне места на выбор.

- Я, ваше превосходительство, в Петербурге человек новый и, главное, невзыскательный, мне нужно для начала только поступить на службу, а куда? Этот выбор я предоставляю вашему превосходительству.

Он спросил: где я служил и чем был? Затем просмотрел список вакантных мест и заговорил:

- Вот у нас в Петербурге есть шестиклассное училище - это тоже гимназия, гимназия для приготовления чиновников на службу, там особенные предметы и особенное преподавание. Вот в этой гимназии две свободные кафедры: общие формы законов и бухгалтерия, угодно вот занять обе?

- Я, ваше превосходительство, как русский подданный, не имею права отзываться неведением наших законов, но относительно бухгалтерии должен вам сказать откровенно - я понятия не имею о бухгалтерии, особенно об итальянской двойной.

- Но это ничего не значит! Предмет этот там преподают поверхностно, лишь бы понять, что такое бухгалтерия. Возьмете дельную книгу, почитаете немного и через неделю будете знать, как преподавать.

Мне после этого осталось только согласиться на предложение попечителя. Я поступил в Введенскую гимназию и к Новому году за усердное преподавание незнакомой бухгалтерии получил награду сто рублей. Прожив восемьдесят лет, я до сих пор надивиться не могу, какие в Петербурге есть волшебные записочки министров, которые творят с чиновниками такие чудеса. Незабвенный Николай Алексеевич Некрасов был очень доволен моим успехом по службе и до конца жизни заботился обо мне, как отец⁵.

Появление первых глав моего романа имело большой успех⁶. Но, признаюсь откровенно, робко и трусливо я ждал первого отклика критики о новом писателе. Прибегает мой милый доктор и с первых слов так меня напугал, что побледнел, как после объяснила жена.

- Ну, батюшка, как вас подлец критик отхватил! Это ни на что не похоже, слушайте, я газету принес, вот! - и начал читать: "Роман нового писателя, г. Потанина, далеко не заурядное явление, в нем такой тонкий психологический анализ, что автора не обвиняя можно сравнить с Диккенсом"⁷ и т. д. Доктор бросился восторженно меня целовать и мгновенно вылечил от минутного страха. Некрасов сам привез мне первую книгу "Современника" и поздравил с успехом. Точно как бы предисловие к моему роману, в этой книге журнала было прекрасное стихотворение Некрасова "Детство Валежникова", где поэт трогательно вспоминает свое детство⁸. Он напомнил мне милую Волгу с ее узорными островами и песками и монастырь на острове, который звоном своим так волновал детскую душу Некрасова. Я всплакнул, читая детство Некрасова. Все это дорогие, незабвенные воспоминания старика.

Так неожиданно вступил я в милую семью "Современника". При первом появлении моем в редакцию вышел из кабинета милый Иван Иванович Панаев и приветствовал меня:

- Ах, Гаврила Никитич, какая у вас изумительная наблюдательность над ребенком Васей, признаюсь, я редко читал что-нибудь подобное.

- В семье живу, дорогой Иван Иванович, невольно наблюдаешь и учишься у детей.

- Да к этому он еще чуткий отец, это я уже видел по игрушкам, - прибавил Николай Алексеевич, улыбаясь. Затем я познакомился с другими членами редакции. <...>

Относительно печати, несмотря на свободу того времени, у меня немало было неприятностей с цензурой. Правда, наш цензор в "Современнике", Владимир Николаевич Бекетов, был вольнолюбивый, но крайне робок и щепетилен. Так, например, роман мой, по моему соображению, первоначально был назван "Крепостное право"; он никак не согласился выпустить его под этим заглавием.

- Помилуйте, это немыслимо; теперь мы так горячо хлопочем о свободе народа и вдруг в печати крепостное право!

- Да ведь я не похвалу пишу крепостному праву, - вы читаете, так знаете, как я в романе распиная это проклятое крепостное право.

- А все-таки нельзя! Одно название может всякому метнуться в глаза!

Так цензор не соглашался барыню Курондову назвать Марией Александровной потому только, что императрица звалась Марией Александровной.

- Так что же, по-вашему, всех баб в России нужно перекрестить и назвать иначе?

- Ну, это мы оставим.

А затем начинались в корректуре поправки моих слов и речений. Как цензор Оберт в моей повестушке "Концерт"⁹ вместо "горничная девка" умышленно выписывал "девушка", - немец совершенно не понимал, что в чистом русском языке между словами: крепостная девка и вольная девушка - большая разница, то же случилось и с русским цензором.

Вместо слова Васьки "мамынька" Бекетов везде выправил нежно "маменька". Но всего нестерпимее было то, что он поправками часто искажал самый смысл речи. Так, например, в одном месте попалось ему речение: "гальчиное гнездо", - он зачеркнул слово "гальчиное" и написал "галочье", находя, верно, неприятным это простонародное слово и совершенно не понимая, что галки никогда не выют гнезд для себя, они выют их для галчат и по выводе детей оставляют гнезда и не возвращаются в них; галкам гнезда не нужны. А поправок таких, чем дальше, тем становилось больше; я, наконец, не вытерпел и пошел к Некрасову просить, чтобы он избавил меня от такого цензора, который не знает чистого русского языка, и окончательно отказался переменить первое название романа. "Как хотите назовите мой роман, другого верного названия я не нахожу!" Некрасов без моего согласия назвал мой роман "Старое старится, молодое растет", что совершенно неверно. Относительно цензора Николай Алексеевич высказал мне горькую правду.

- Бекетов, Гаврила Никитич, лучший у нас цензор, что можно - так можно, а чего нельзя, в том его не вините, вините лучше цензуру, цензура у нас собака, да еще не простая, а австрийская собака, - намекая тем на одного члена цензурного комитета, который был австриец, в чем я после сам убедился и с Некрасовым согласился¹⁰. Но были неприятности еще горше; цензор зачеркнул почти всю одиннадцатую главу моего романа, а глава была листа полтора печатных. Некрасов пишет: "Не задержите печати, замените *чем-нибудь* вычеркнутое и уладьте главу. Нельзя ли доставить ее в типографию *завтра?* Ждем"¹¹. Пришлось сидеть ночь, работа была спешная, ключьями, кое-как, и совершенно меня не удовлетворила, ибо могла не сойтись с будущим. Скрепя сердце, я к утру кончил и послал, а между тем думал: так нельзя! Добросовестная работа требует времени и труда, а так спешно строчить, кое-как я не умею. Если так будет вперед, так придется отказаться. Вскоре после того мне в самом деле пришлось отказаться, и я бросил печатать роман.

Примечания

Гавриил Никитич Потанин (1823--1910) - автор произведений, изображавших людей и быт провинциальной России.

В жизненной судьбе Потанина, в его писательском самоопределении очень большую роль сыграл Некрасов. Летом 1860 года Некрасов писал Добролюбову: "Пришел ко мне <...> бедный, выгнанный из штатных зрителей человек по фамилии Потанин и принес роман--он его писал десять лет и еще не кончил, думаю, что вещь замечательная, талант большой и русский, народного элемента много (то есть не то чтобы действовали мужики, а по-русски дело ведется и рассказывается), столько еще не бывало в русском произведении, как дальше будет, а десять глав, мною прочитанные, мне очень понравились. Я ему дал денег, и он уехал в Бугульму к семейству и - дописывать. Осенью думаю пустить эти десять глав, если, он их вышлет. Хлопотал я, чтоб ему дали место, да куда не добился, а выгнали его за то, что сочинил сатиру на местные власти!" (X, 419).

Некрасов помог устроиться Потанину в Петербурге преподавателем Введенской гимназии. Его роман "Крепостное право" под названием "Старое старится, молодое растет", имеющий автобиографическую основу, печатался в "Современнике" (1861, NoNo 1--4). Позже Потанин так оценил роль Некрасова в своей судьбе: "Этот человек сделал для меня много хорошего: он первый сказал мне одобрительное и бодрительное слово, первый просто и открыто благословил меня на новое поприще, и, признаюсь, не встретясь я с Некрасовым <...>, я и до сих пор не напечатал бы ни строки" (ИРЛИ, 14130/XXVIII,- б. 3).

Но в начале 60-х годов отношения Потанина с Некрасовым осложнились. Потанин, очень мнительный по своему характеру, поверил слухам об "эксплуатации" Некрасовым своих сотрудников, ложно истолковал требования и предложения, которые исходили из редакции "Современника". Совет Некрасова писать повести, "пока не пишется роман", Потанин счел "пошлым" (*ИРЛИ*, 3820/XXI, б. 2). Он оказался не способен объективно разобраться в той сложной ситуации, в которой находился тогда орган революционной демократии, в содержании деятельности его редактора и порвал с "Современником". Роман "Крепостное право" так и остался незавершенным. В 1871 году Потанин вернулся на свою родину, в Симбирск, где продолжал педагогические занятия. Но к Некрасову он навсегда сохранил любовь и благодарность. Прочтя в 1877 году "Последние песни", Потанин ставит редактору "Дела" Г. Е. Благосветову "непременное условие" посвятить свою повесть "Новый суд" Н. А. Некрасову, дабы "утвердить любимого Николая Алексеевича, что есть люди, которые знают, помнят и ценят Некрасова как человека замечательного на Руси, как поэта, влияние которого на нас всех было громадно и неотразимо <...>" (цит. по статье А. ф. Макеева "Г. Н. Потанин о Некрасове". - сб. "Материалы IX научной конференции литературоведов Поволжья", Пенза, 1969, стр. 67).

Сотрудник "Исторического вестника" писал, вспоминая одну из встреч с Потаниным в 1909 году: "Будучи одиноким, он весь ушел в себя и в свое прошлое. В новой литературе ему ничего не нравилось. Последним настоящим поэтом на Руси он считал своего излюбленного Николая Алексеевича Некрасова" (И. П. Ювачев, Гавриил Никитич Потанин. - *ИВ*, 1911, No 5, стр. 525). В 900-е годы Потанин работал над воспоминаниями о Гончарове (напечатаны в 1903 году), о Некрасове.

В своих воспоминаниях Потанин явно преувеличивает свое место в "семье" "Современника", свою близость к поэту. Некоторые сцены, повествующие о встречах Некрасова с Тургеневым, "доверительные" разговоры поэта с Потаниным о Герцене, о Тургеневе - не соответствуют фактам, многословные восторженные оценки Некрасова в ряде случаев расходятся с вышеприведенными оценками Потанина 60-х годов. И все же его мемуары интересны - правдивым воспроизведением бытовой обстановки, в которой жил поэт, жизнеописанием молодого провинциального литератора, судьба которого оказалась тесно связанной с поэтом и его журналом. Отстаивая свою высокую оценку Некрасова, Потанин писал 19 мая 1904 года редактору "Исторического вестника" С. Н. Шубинскому: "Вы правду сказали, что мои воспоминания о Некрасове похожи на "панегирик": я иначе о нем писать не могу!" (*ГПБ*, ф. 874, оп. 1. ед. хр. 98, л. 76).

Печатаются с сокращениями по тексту журнала "Исторический вестник", 1905, февраль, стр. 461--467, 471--472.

¹ Стр. 183. Дочери Потанина.

² Стр. 184. Так называет Потанин Бугульму, где жила его семья.

³ Стр. 186. Потанин ошибается: его воспоминания относятся к 1860 г., работу над поэмой "Кому на Руси жить хорошо" Некрасов начал после 1861 г.

⁴ Стр. 186. Потанин имеет в виду Егора Петровича Ковалевского, брата министра народного просвещения, приятеля Некрасова. В своем дневнике Потанин указывал, что Некрасов "отрекомендовал" его "брату министра" (*ИРЛИ*, 3820/XXI, б. 2, л. 191 об.). Потанин ошибается: Ег. П. Ковалевский в Министерстве народного просвещения не служил.

⁵ Стр. 188. Неверно. После разрыва Потанина с "Современником" (1862) Некрасов не имел с ним каких-либо отношений.

⁶ Стр. 188. Большого успеха роман "Старое старится, молодое растет" не имел. Первые главы, опубликованные в "Современнике", получили разноречивые отклики. "Петербургский вестник" (1861, No 8) находил в романе обилие диалектизмов, натуралистичность описаний. "Сын отечества" (1861, No 10, 18) давал положительную оценку.

⁷ Стр. 188. Потанин неточно цитирует отзыв из "Сына отечества" (1861, No 18). Там было написано: "В наших глазах он, роман, был и будет все-таки произведением замечательным, мало того - произведением совершенно новой манеры, которая напоминает отчасти манеру английских романистов..."

⁸ Стр. 188. Имеется в виду стихотворение "На Волге (Детство Валежникова)", опубликованное перед романом "Старое старится, молодое растет" (С, 1861, No 1).

⁹ Стр. 189. Это произведение Потанина неизвестно.

¹⁰ Стр. 190. В своем дневнике Потанин записал слова Некрасова о председателе Петербургского цензурного комитета Н. В. Медеме: "Это скотина, и скотина еще не простая, а австрийская" (*ИРЛИ*, 3820/XXI, б. 2, л. 191).

¹¹ Стр. 190. Это письмо Некрасова неизвестно. 1 февраля 1861 г. Некрасов писал Потанину: "Потрудитесь с посылаемой цензурской корректуры перенести на Вашу сделанные г. Бекетовым помарки. - Для связи Вы можете делать взамен выкинутого *вставки*, но они должны быть коротки и невинны". "Поправки и целые фразы, приписанные цензором, Вы можете уничтожать, заменяя их по-своему фразами, соответствующими его мысли" (X, 444).